Весенние каникулы подходили к концу.

На площадке аварийной лестницы на втором этаже общеобразовательного корпуса 2-го года обучения под дневным небом стоял Саяма.

По всему школьному двору, куда падал глаз, цвели вишневые деревья.

Под мягким ветерком опадали и танцевали в полете цветочные лепестки.

Вишневый цвет разлетался подобно метели.

По дорогам и каменистым тропам, на которые ниспадали лепестки, шагали ученики, возвращавшиеся в общежития.

Они носили повседневную одежду и с нетерпением ждали новой встречи друг с другом. Школьники спешили проверить свои учебники для новых занятий, или подготовить способы приглашения новых членов в их клубы на завтрашней церемонии открытия.

На общем фоне Саяма заметил два знакомых лица. Той парочкой, обсуждающей что-то с представителями спортивных клубов, оказались Изумо и Казами. Они оба носили повседневную одежду. В руках у них виднелся пластиковый пакет с разнообразными принадлежностями.

Казами заметила Саяму и глянула вверх.

Она…

— ————

Лишь улыбнулась и отвела взгляд, ничего не сказав.

Саяма поднял левую руку в приветствии, но этим всё и ограничилось.

И он глянул на свою поднятую руку. Левое предплечье и локоть были обвязаны новой повязкой. На среднем пальце находилось кольцо его матери.

На задней части руки виднелся шрам, и он ощущал призрачную боль, когда сжимал кулак.

И простое размышление о прошлом стиснет левую сторону его груди.

…Что случилось с людьми 1-го Гира после этого?

Грам поглотил остальную часть Концептуального Ядра из Фафнира Возрожденного, и Саяме сообщили, что он хранится под японским UCAT. Его позже выпустят в свет, когда придет время высвобождения всех концептов.

В данный момент полудраконы и прочие расы, которым тяжело выжить без концептов, поселены в резервации 1-го Гира. Проводятся разнообразные расчеты, связанные с ее поддержкой и расширением. Когда результаты будут готовы, начнется реальное расширение резервации, и всех желающих призовут к натурализации.

Оставались повреждения после битвы, и ответственные стороны понесут взыскание за эти преступления, но Хаген взял большую часть на себя. И раз не потребовалось капитального восстановления…

— Они могут все искупить, сотрудничая с нами в полной мере.

Среди всей этой работы Фасольт собирался наладить производство бумаги внутри резервации. Они не хотели поставок снаружи. Они создадут свои собственные записи.

Саяма любопытствовал, пойдет ли его сын, полудракон Фафнер, в итоге по стопам отца.

Их история и гордость больше не передавалась в устной форме. Эта смена способа передачи данных позволит им развернуться гораздо шире.

Слова, которыми Саяма обменивался с этим драконом, будут переданы и вплетены в канву реальности.

И Саяма…

— …

Решил, что отныне всегда будет драться всерьёз.

Парень размышлял о грядущих сражениях, которые наверняка будут кем-то записаны. Размышлял о своих противниках и о своих товарищах.

Он поднял взор в небо и его мысли, наконец, вернулись к белому механическому дракону.

…Мои слова смогли его достичь?

Саяма неожиданно отвел взгляд от небес и повернулся.

Сбоку от аварийного выхода находилась стена. Песок со школьного двора наслоился на поверхность и затвердел от ветра и дождя.

Он потянулся левой рукой и прикоснулся к стене.

Саяма написал несколько слов своим плавным почерком.

Он написал «1-й Гир — Фафнир Возрожденный».

— Как сентиментально, — пробормотал парень без улыбки в голосе.

Затем убрал палец от стены, отступил назад, и вздохнул.

Как раз после этого по аварийной лестнице загремели шаги.

Саяма глянул вниз и увидел покачивание длинных волос, пока кто-то поднимался по ступенькам.

Это был Синдзё Сецу.

Должно быть из-за весенней погоды он носил белую рубашку с коротким рукавом и коричневые шорты. Он держал небольшую коробку. Он глянул вверх и забрался к Саяме с улыбкой.

— Так вот где ты был. А я тебя искал.

— В чем дело? Нет, что это за коробка?

— Ну, — сказал Синдзё, упершись коленом в перила и открывая коробку.

Внутри находилось два небольших пирожных. Синдзё выдал небольшую улыбку и посмотрел в глаза Саямы снизу вверх.

— Это чтобы отпраздновать мое новоселье. …Саяма-кун, ты, похоже, был занят, отчего твоя рана ухудшилась, и затем ты вернулся. В-вот. Я знаю, уже поздновато, но тебе не кажется, что подобные вещи важны?

Празднование, хм? — Подумал Саяма. — Если подумать, возможно, нам стоит отпраздновать

присоединение 1-го Гира к UCAT.

Да.

Оставалось еще немало дел, и вместе с ними наверняка последуют безрассудные заявления.

Но в округе стояла весна. Пшеница на поле резервации 1-го Гира хорошо росла, и цветы будут ярко цвести. Весна была замечательным сезоном для празднований.

Подумав немного об этом, Саяма горько улыбнулся. Он решил, что пришла пора возвращаться к жизни.

Саяма посмотрел в глаза Синдзё. Он изучал его черные глаза. И…

— Да. Позже, я тоже подарю тебе кое-что к празднику. Вроде игровой системы.

Улыбка возникла на губах Синдзё и он удовлетворенно вздохнул.

— Давай вернемся в нашу комнату. С этой левой рукой одни проблемы, да? Я могу покормить тебя пирожным.

— Я продолжаю зависеть от тебя, разве нет?

— Э? Не переживай об этом. Поэтому я и тут.

— Тогда ладно, — согласился Саяма.

Он последовал за Синдзё вниз по лестнице и разминулся с группой людей, направляющихся вперед.

Это были члены клуба изобразительного искусства.

Группа в составе около двадцати человек в повседневной одежде поднималась на крышу.

Они вероятно, собирались набросать пейзаж, видимый оттуда. Они несли с собой напитки и сладости, продававшиеся только в школьной столовой, равно как этюдники и коробочки с художественными принадлежностями.

С медленными шагами, их болтающие и смеющиеся голоса продолжали подниматься вверх.

Саяма обратил внимание на одну из девушек в хвосте группы.

Это Брюнхильд.

Она носила свою форму и остановилась с невозмутимым взглядом, когда поравнялась с Саямой.

На ее плече сидел птенец, а у ее ног стоял черный кот. В правой руке она держала этюдник и пенал с художественными принадлежностями. И небольшую коробочку с едой для птенца в левой.

Остальные направились вперед, оставив лишь Саяму и Брюнхильд позади.

Она осознала, что Саяма смотрел на этюдник, и поэтому немного отвела взгляд.

— Начиная с сегодняшнего дня, я решила попробовать нарисовать пейзаж Лоу-Гира. …Я закончила масляную картину, над которой работала ранее.

— Да. Я ее видел. Ее повесили в холле учительского корпуса, не так ли?

— Да, — подтвердила Брюнхильд, и птенец на ее плече наклонил головку.

Последовала тишина.

Через несколько секунд Брюнхильд приоткрыла рот, по-прежнему глядя в сторону.

Она пыталась что-то сказать.

Но словно ее останавливая, вниз спустилась пара шагов. Они принадлежали девушке в повседневной одежде.

— Президент, мы идем наверх.

Брюнхильд удивленно подпрыгнула, подняла голову, и глянула себе за спину.

— Хорошо, — сказала она, кивая, перед тем, как развернуться обратно к Саяме.

Но затем остановилась на полпути.

Она застыла из-за отдаленной музыки.

Органная музыка разлилась в весеннем воздухе. Саяма и Брюнхильд узнали песню.

Это была Silent Night.

— Что?.. — пробормотала Брюнхильд, и девушка на пролете улыбнулась.

— Президент, вы ни разу ее не слышали? Это потому, что вы все время замыкаетесь в комнате изобразительного искусства. Каждый раз во время перерыва старик Зигфрид из Библиотеки Кинугасы играет эту песню. Вроде как он начал два года назад.

Саяма увидел, как спина Брюнхильд дрогнула.

Но это было единственной ее реакцией.

Она вернулась на ступеньки.

— …

Брюнхильд молча поднималась по лестнице. С черным котом и птенцом, она шагала рядом с девушкой, которая ее позвала.

Она развернулась у балкона, и Саяма продолжал смотреть ей вслед, пока она не исчезла у следующего пролета.

Затем он спустился с лестницы, не говоря ни слова.

Синдзё ожидал его внизу у входа на первый этаж.

— Почему ты так долго? — спросил Синдзё с улыбкой на устах, когда его увидел.

Однако, когда Саяма с ним поравнялся, Синдзё глянул на его лицо. Улыбка исчезла, и он наклонил голову:

— Саяма-кун?

— Да? — спросил Саяма, продолжая идти.

— Ну, — произнес Синдзё, следуя за ним. — Случилось что-то печальное?

— Твоя сестра наверняка знает. …Я уверен, однажды она тебе расскажет.

Не говоря больше ни слова, Саяма обнял за плечо человека, идущего рядом с ним.

— Ах, — сказал Синдзё, но не сопротивлялся.

Саяма вздохнул и притянул Синдзё поближе.

Он ощущал тепло и мягкость его тела, но определенная мысль возникла у него от того, как он позволил Синдзё на себя опереться.

…Это самая приятная вещь.

Пока он шел, Саяма взглянул на небо. Вишневые цветы разлетались сквозь голубое небо как снег.

— Завтра снова начнется школа.

Синдзё кивнул под его рукой, и он ощутил в груди слабое давление.

Задумавшись об этих двух вещах, Саяма посмотрел в небеса еще выше.

Сумел ли он хоть что-нибудь свершить?

http://tl.rulate.ru/book/95927/3274376